

Дмитрий
КАМЛЮК

АНТЕНА СЕВЕР

фантастическая
повесть

Дмитрий Камлюк

Селена

«Автор»

2024

Камлюк Д. В.

Селена / Д. В. Камлюк — «Автор», 2024

«Селена» – продолжение фантастической повести «Тюрьма разума». Действия разворачиваются в нескольких временных потоках, череда событий в которых в конечном счете приближает момент воплощения в мире живых великой и безжалостной сущности, существующей вне времени и потока, готовой разорвать грань реальности и ввергнуть весь материальный мир в бесконечный хаос. С другой стороны, в материальном мире существуют те, кто постоянно стоит на страже реальностей и следит, чтобы щупальца безжалостного Великого Нечто не проникли в упорядоченные потоки и не нарушили гармонию миров, которую удастся сохранять дорогой ценой.

© Камлюк Д. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Камлюк

Селена

Глава 1

23 марта 2048 года. 7:30. Минск_

Вся жизнь слилась в единую бесформенную массу с размазанным и плохо воспринимаемым временем.

В тот момент я потерял ему счет, электрозак просто гнал вперед. Все стало каким-то нереальным, выдуманным, кем-то переписанным и чужим. Недоразумение, которое должно было вот-вот закончиться, – и моя каждодневная и обыденная суетливая жизнь, к которой я привык, вновь поглотила бы меня целиком. И казалось, для этого просто нужно проснуться.

Буквально позавчера я был добропорядочным гражданином. Востребованным в своей области специалистом. С достаточным количеством баллов, позволявших посещать обширный перечень заведений и принимать приглашения на различные мероприятия.

Положительная шкала позволяла находиться в списках премиум-класса, к кому наниматель обращался в первую очередь при поиске нужного специалиста. Это в свою очередь открывало возможность просматривать оставленные объявления на пару часов раньше, чем эти же объявления появлялись в общем доступе для субъектов с более низким рейтингом, что позволяло мне выбирать высокооплачиваемые работы, предлагаемые системой у добропорядочных нанимателей, не опасаясь того, что по завершении работы меня могли оставить без вознаграждения.

И вот – я никто. С отрицательной оценкой и нулевой перспективой. Окажись я сейчас на свободе, с такой шкалой до меня доходили бы лишь самые грязные и дешевые заказы от таких же, с пониженным рейтингом, нанимателей, которые в итоге могли спокойно, по завершении работ, оставить меня без денег.

С учетом рейтинга мои споры в суде рассматривались в самую последнюю очередь и при учете, что не истечет срок давности, который мог от случая к случаю варьироваться от двух до четырех месяцев. После этого добиться компенсации было уже нереально.

Да и обычно это было уже бесперспективно. Наниматели с фиктивной организацией растворялись сразу же после выполнения заказа. Даже если суд и выносил положительное решение, изъять средства было просто не у кого. Вылезти из такого отрицательного рейтинга стоит больших усилий и времени, а последнего в этом новом мире становилось все меньше и меньше.

С утра меня перевезли из провонявшей сыростью, холодной и покрывшейся плесенью камеры в полицейском участке в довольно аккуратное и дорого обставленное здание районного суда Минска.

Все это время меня сопровождали два боевых электромеханических андроида.

Еще совсем недавно их функцию, как, собственно, и многие другие, выполняли люди. Однако после большой войны и череды эпидемий людей стало не хватать. Тогда и было принято решение дополнить людей роботами, механическими и биологическими андроидами, биониками.

Среди оставшихся людей тоже не было взаимопонимания и мира. В основном люди все чаще проводили усовершенствования своего тела, принимая кибернетический облик.

Такие манипуляции с организмом позволяли оставаться востребованным в мире, где простому человеку отводилось все меньше места. В среде новых, постоянно расширяющихся тех-

нологических возможностей человек становился своего рода слабым звеном. Выполнять многие виды работ обычному человеку становилось все сложнее или невозможно вовсе.

Для людей были сохранены некоторые сферы труда, где они могли себя реализовывать и занимать, но было видно, что процесс направлен на сокращение популяции людей до предельного минимума.

Новое поколение людей с куда большей радостью отдавалось в объятия технологического модернизма. Людям уже было мало окружать себя прорывными технологиями, они стремились стать одной из ветвей этой технологии, хотели слиться с ней, не видя в покорно сгнивающем теле примера для подражания и перспектив.

Иногда мне и самому хотелось провести легкий апгрейд, тем более что финансы и рейтинг позволяли. Может быть, имей я в наличии чипы и биомеханические конечности, моя реакция на дороге была бы выше и мне не довелось бы в конечном счете оказаться в том плачевном состоянии, в котором на данный момент я пребывал. Тело изредка вздрагивало, может, от холода, может, от страха. Мысли в голове уже рисовали картину самого страшного наказания, которое было уготовано таким, как я.

За дверью периодически доносился голос.

Если не видеть того, кто говорит, то кажется, что за дверью милая, деловая женщина с нежным, тонким голосом. На деле это был робот, который монотонно зачитывал приговор.

Слышимость была не очень хорошей, но достаточной, чтобы в устоявшейся тишине выхватывать знакомые фразы, которые доносились из судебного зала: «порча государственного имущества», «проявление невнимательности».

Эти слова, словно удар молота по наковальне, заставляли меня каждый раз вздрагивать и нервно оглядываться по сторонам.

Казалось, что времена моих предков, живших сто, двести лет назад, о которых я читал в книгах, вернулись в новом облике.

Я не знал и не видел того, по ком сейчас проходило слушание. Однако судили его, судя по доносившимся фразам, за то же самое, за что скоро будут судить и меня. И вот через какое-то время бедолаге вынесли приговор. Женский голос смолк, а через пару секунд дверь в зал суда приоткрылась и послышались тяжелые шаги идущего впереди андроида, передвигавшегося ненатуральной механической походкой. За ним, опустив голову, закованный в электромагнитные наручники, шел осужденный. Замыкающим был второй андроид, следовавший за человеком.

На вид осужденному парню было около 20 лет. Среднего телосложения, со светлыми, опускавшимися до плеч волосами, частично закрывавшими лицо, но все же из-за хорошего освещения была видна его бледность. Взгляда парня в тот момент я не разглядел, но по чертанию лица и складкам на его губах в моем воображении сразу явилась картинка обреченности и опустошения. Возможно, все это было плодом моей фантазии и попыткой дорисовывать то, что я сам в данный момент испытывал.

Он был человеком, как и я, что было удивительно. Его ровесники с завидным фанатизмом баловались с улучшениями своего тела, а на этом не было видно ни одного хирургического воздействия.

Один из сопровождавших меня андроидов указал на освободившееся помещение, в котором уже дожидался судья.

В зал суда я вошел в такой же последовательности, в которой выводили парня.

Меня подвели к небольшой интерактивной трибуне в центре помещения со встроенным дисплеем и микрофоном. Андройды сделали шаг назад, после чего застыли в покорном безмолвии.

В паре десятков метров от меня стоял судейский деревянный стол, намеренно приподнятый выше, чем располагался подсудимый. За судьей-андроидом возвышалась скульптура

Фемиды в полный человеческий рост, окруженная с обеих сторон массивными колоннами с увенчанными у самого потолка капителями.

На стенах всего помещения выступали огромные барельефы, на которых были изображены сцены минувшего прошлого: классовой борьбы пролетариата, большой войны, но самая большая сцена, символизирующая союз человека и машины, располагалась прямо за Фемидой.

На барельефе в центральной части были изображены с одной стороны молодые, полные сил мужчина с женщиной, левее от них располагались сидящие старики в окружении играющих детей. С другой стороны был изображен человекоподобный андроид, за спиной которого, правее, были расположены более примитивные механические машины и роботы.

Располагаясь друг напротив друга, все трое направляли свои руки и взор к парящей над их ладонями пирамиде, внутри которой было вырезано всевидящее око, от которого в разные стороны исходили лучи.

В центре изображения между мужчиной и женщиной с одной стороны и андроидом с другой, под пирамидой, с вскинутыми вверх руками, смотря снизу на парящую пирамиду над ладонями взрослых, стоял ребенок, половина тела которого была заменена механическими деталями.

Все помещение было обставлено так, словно кто-то намеренно пытался подавить личность человека через тяжеловесную архитектурную композицию.

За столом величественно сидел андроид – одна из первых моделей судей. В отличие от сопровождавших меня механических это был биологический андроид, с большим набором тактильных датчиков и с более обширной эмоциональной базой, что делало его сильно похожим на реального человека, хотя и с заметно резиновой ненатуральной кожей.

Последующие модели в этом плане ушли вперед. Если особо не присматриваться, то спокойно можно было спутать человека с одним из таких андроидов, особенно в вечернее время. Единственное, что выдавало даже самую продвинутую модель робота, – глаза. По какой-то причине копирование именно этого органа давалось им с огромным трудом. К каким бы хитростям ни прибегали ученые и сами машины, глаза у роботов оставались неестественными и пустыми.

Перед зачитыванием статей, по которым меня судили, андроид учтиво поздоровался и поинтересовался моим самочувствием, хотя выглядело все это, скорее, как прописанный регламент по заранее запрограммированному алгоритму, за которым в реальности было полное равнодушие.

– Уважаемый Мартынов Константин Юрьевич, 2008 года рождения. Вы обвиняетесь в причинении тяжких телесных повреждений биомеханическому субъекту республики. Согласно УКР от 2040 года, вы обвиняетесь по следующим статьям:

Статья № 1232. Умышленное повреждение биомеханического субъекта, совершенное общеопасным способом и повлекшее причинение ущерба в крупном размере, влечет ограничение свободы на срок до десяти лет.

Статья № 2469. Действие либо бездействие биологического гражданина республики, повлекшее выход из строя биомеханического субъекта республики, влечет ограничение свободы на срок до двадцати трех лет.

Статья № 10245. Попытка сокрытия, уничтожения улики влечет ограничение свободы на срок до пятнадцати лет.

Статья № 234. Чтение, просмотр запрещенной информации, ее реализация, продажа влекут ограничение свободы на срок до пятнадцати лет.

Статья № 10101. Сквернословие влечет ограничение свободы на срок до трех месяцев.

Судья продолжал зачитывать обвинение, и в какой-то момент я перестал его слушать. Внутри бурлили эмоции, желание высказаться, воспротивиться, но страх останавливал, да и в целом такие действия были изначально лишены смысла. Перебивать судью было запрещено.

За это могли накинуть еще статью и пару лет в придачу. А презумпция невиновности была упразднена еще в далеком 2022 году, выделив людей в категорию субъектов и лишив их возможности отстаивать свои права. Теперь суд был местом, где зачитывали обвинения и оглашали окончательный вердикт.

Все больше законы становились похожи на команды, по которым работали роботы. В них не было и не могло быть свободы действий. Поначалу люди приняли такой подход дружелюбно. Но чем сильнее искусственный интеллект вливался в жизнь людей, тем больше начинал переписывать мир под себя, а вместе с этим и менять самих людей, коверкая все, к чему прикасался.

Дождь за окном все сильнее барабанил по карнизу. От этих звуков, совпадающих с монотонным оглашением приговора, все больше клонило в сон.

Когда именно меня завели в машину, я не помню. В голове крутился окончательный приговор судьи, обжалованию который не подлежал. 99 лет в криотюрьме.

Сказать, что я был в шоке, – значит ничего не сказать. Апатия, безнадежность, паника одной волной нахлынули на мой разум, пытаюсь его разорвать на мелкие клочья. Я не видел света в этом тоннеле. Не понимал, что дальше делать.

Меня завели в электрозак, где усадили в отдельную клетку метр на метр, после чего андроид закрыл решетку и вышел из машины.

Дверь электрозака закрылась, погрузив всех в полумрак, который местами разбивал тусклый свет, падавший с маленьких окошек.

Вместе со мной в электрозаке сидело еще два человека. Это был тот самый парень, которого я видел ранее, и пожилая женщина. На вид ей было лет 70. Седые распущенные волосы, лицо, покрытое старческими морщинами, за которыми скрывался уставший от жизни, перепуганный взгляд. Ее синие глаза были наполнены страхом и обреченностью.

Мы сидели каждый в своей клетке, закованные в электромагнитные кандалы, окутанные невидимым, но ощущаемым каждым из нас чувством безысходности.

Женщина поглядывала то на меня, то на парня, пытаясь изредка, словно в доказательство своей невиновности, высказаться об ужасной ошибке судебной системы.

– Это недоразумение, – тихо бормотала женщина. – Я не должна быть здесь. Я ведь ничего не сделала, – маленькая слеза скатилась по ее уставшему и морщинистому лицу.

Бормотание пожилой женщины прервал спокойный женский голос из динамиков, расположенных по углам электрозака:

– Уважаемые биологические граждане, напоминаю вам, что в средстве передвижения следует сохранять молчание. Любое нарушение установленных правил карается последующим ужесточением наказания. Во время движения электрозака сохраняйте тишину. Запрещается говорить, переговариваться, жестикулировать, вставать, делать попытки побега. В отсеке установлены датчики, которые регистрируют ваше поведение. Любое отклонение от указаний карается ужесточением действующего наказания. В случае угрозы персоналу ваши действия будут квалифицированы как особо опасные и к вам будет применена сила, вплоть до полной ликвидации.

Так, в безмолвии, погруженных в свои мысли, нас повезли в криотюрьму.

Пока мы ехали через город, я пытался отвлечься от затягивающих в пустоту мыслей, вслушиваясь в различные звуки, доносившиеся за машиной. Голоса людей, гулявших этим временем по улицам города, механические звуки от других транспортных средств, проносящихся рядом с электрозаком. Там продолжала течь обычная жизнь, которую я вряд ли увижу в ближайшем будущем.

Многих под различными предлогами погружали в криосон, но мало кто оттуда возвращался.

Были новости о том, что кого-то разморозили, однако впоследствии появлялись другие новости – о суициде или полном помешательстве таких заключенных. Последних изолиро-

вали от общества в РНПЦ психологического здоровья, где они доживали свои последние дни, подальше от общественности.

Окна в электрозаке были закрыты мелкой решеткой, сквозь которую я видел лишь общие силуэты мелькавших за окном объектов. Любые попытки понять, по какой улице сейчас перемещается электрозак, были тщетны. Хотя в свое время мне казалось, что я отлично знал свой город, ведь периодически осуществлял наладку наружных датчиков видеоконтроля движения, устанавливал дорожные контроллеры.

Вскоре вместо высоких застроек в окошке стали мелькать деревья. Периодически я видел небо, затянутое темными тучами. Скорее всего, мы выехали на 2-ю Менскую кольцевую автомобильную дорогу.

Дождь продолжал моросить. Капли стучали по металлической крыше электрозака.

Я уже и забыл, когда была солнечная погода без этого мерзкого и странного, липкого дождя. Небо над республикой все чаще приобретало темно-фиолетовый оттенок, скрывая солнечный свет. В новостях во всю говорили об изменении климата и общем угрожающем положении всего человечества, ведь глобальные изменения в окружающей среде провоцировали появление новых смертельно опасных вирусов, которые убивали людей с невероятной скоростью. Казалось, что сама природа взбунтовалась против всего человечества и решила во что бы то ни стало положить ему конец.

Машина сбросила скорость, после чего стала круто поворачивать, по всей видимости, съезжая с кольцевой и выезжая на трассу М1.

Мы покидали городскую зону, последний раз остановившись около КПП, установленного на выезде из города.

– Опустить голову. Смотреть в пол, – раздался на этот раз грубый мужской голос из динамика.

В этот момент дверь электрозака открылась и внутрь заглянуло лицо человека в военной форме.

Машинально исподлобья я все же мельком посмотрел в его сторону. Этого было достаточно, чтобы увидеть невысокого, толстоватого человека, с налитыми кровью глазами и румяными щеками. Мужчина с нескрываемым отвращением заглянул внутрь электрозака, видимо, чтобы свериться по бумагам и пересчитать количество перевозимых заключенных.

После быстрого осмотра человек развернулся к андроиду и, проведя чипом по прибору, закрепленному на корпусе робота, дал разрешение на выезд за черту города.

Дверь закрылась.

До пункта назначения было около двух часов езды. Отъехав подальше от КПП, мы ощутили, как внутрь электрозака стала проникать приятная свежесть соснового леса, которая тут же навеяла сотни воспоминаний из казавшейся далекой и местами чужой жизни.

Если бы не сложившаяся ситуация, эти воспоминания можно было бы назвать приятными, но сейчас...

Мысли хлестали сознание воспоминаниями так же больно, как плеть хлестала плоть. Каких-то двадцать лет назад, в студенческие годы, я вместе со своими одногруппниками часто выбирался в лес на шашлыки. Хотя нельзя сказать, что на это у нас было разрешение, которое требовалось для выхода из города, тем более на нахождение в лесу. После военного конфликта многие вещи были ужесточены, но тогда еще все это подавалось в виде вынужденной меры и выглядело на общем фоне безумия, творившегося повсюду, как благо, а наши вылазки больше походили на бунтарство, экстрим и развлечение. Мир, ради которого можно было бы и потерпеть, но на деле оказавшийся страшнее всякой войны.

В какой-то момент дорога сильно изменилась. Водитель съехал с асфальтированного участка, и теперь наш путь пролегал через гравийный участок дороги и, судя по ямам, не первой свежести.

Сидушки были жесткими, поэтому ощущалась каждая колдобина. Я не знаю, как чувствовала себя женщина, но я уже после 20 минут езды ощущал боль в пятой точке от постоянной тряски.

Дождь усиливался.

За окном я видел лишь силуэты быстро сменяющихся темных деревьев, которые зловеще нависали над дорогой, по которой мы ехали, напоминая чем-то пасть монстра, решившего вот-вот сомкнуть свою челюсть и проглотить всех, кто был в ней.

Лучше бы так и стало. Стыд, страх и боль не покидали, а лишь усиливались от приближающейся неизвестности. Нас распределили в исправительную колонию № 23.

Среди граждан она именовалась как «железные гробы». Попадавших туда людей заключали в специальные саркофаги, погружая их в глубокий и долгий сон.

Я мало что знал об этих изобретениях. Слышал, смотрел по нейрообразовизору, но не более. Смотреть на такие вещи со стороны было сродни просмотру познавательных передач или обычных телепередач про космос, животных, природу. Интересно, необычно. Но оказаться в ситуации, когда твое сознание будет заковано в ледяные оковы, не вызывало более тех завораживающих чувств.

Мелькали новости, в которых рассказывалась предыстория создания криотюрем. О корпорации «Криодрим», о смерти ее создателя и его помощника в результате нападения психически неуравновешенного убийцы, которого там же и убили. Потом была попытка передать полный пакет власти над корпорацией искусственному интеллекту «Селена», однако из-за землетрясения и возникшего пожара, вызвавшего технический сбой, система была полностью уничтожена, а вместе с ней погиб и последний глава корпорации, по иронии судьбы получивший эту должность днем ранее. После чего перестала существовать и сама корпорация.

Малочисленные остатки технологий перекачивали в новую архитектуру, представленную китайскими союзниками в виде ASI Хайлон-1000. Суперискусственный интеллект.

Тогда этой системе передали контроль почти над всей государственной структурой. Многие чиновники полетели со своих насиженных мест, что обрадовало обычный народ. С одной стороны, люди ликовали, с другой – подсмеивались над затеей и говорили, что это бесперспективная идея.

Что поменялось с того момента? Ликование прошло, и смеха я уже не наблюдал. Все понимали, что искусственный интеллект взял под контроль слишком многое в жизни. Разговоры об этом ушли на кухню и шепотом, так как все понимали, что даже обычный телефон мог принимать любой разговор и прослушивать каждого.

После удачного эксперимента на государственном уровне власти страны решили внедрить искусственный интеллект во все структуры управления.

Но у всего есть своя цена. Мир, в котором мы оказались, – наша плата за самообман.

Хотели ли люди такой справедливости? Такого мира? Вряд ли. Картинки в нашем сознании всегда представляются более идеализированными.

ASI Хайлон-1000 был передовой разработкой Китая. Суперинтеллект, который в определенный момент взял всю полноту власти в свои интеллектуальные руки.

Какое-то время казалось, что наши элиты, президенты и военные еще удерживают власть, но последнюю власть президент потерял в тот момент, когда распустил большую часть силовых структур, оставив только урезанные вооруженные войска.

В городских условиях для обеспечения правопорядка стали появляться боевые механические андроиды, которые довольно быстро навели порядок, однако фактически подчинялись уже ИИ. Держал ли сам ИИ кто-то под контролем? Скорее да, чем нет. Элита, владевшая всеми ресурсами на территории, оставалась и подозрительно успешно процветала, что наводило на мысль о том, что в итоге ИИ стал обычным инструментом для манипуляции людей другими

людьми, а не вехой новых свершений и передовых открытий, направленных на то, чтобы сделать человечество лучше.

Кто-то даже шутил что в республике давно нет президента, так как, кроме как в СМИ, его нигде и не показывали. В народ он не выходил, ни с кем не общался, никуда не ездил. А видео с его выступлениями записывались в какой-то студии, и с учетом технологий это могла быть обычная голограмма.

И пока я был законопослушным гражданином, меня это вполне устраивало. Спокойствие. Порядок. Уверенность в завтрашнем дне. Все, что требовалось от человека, это блюсти закон и порядок, выполнять свои функции и не вмешиваться в работу ИИ, которая по все чаще встречающимися лозунгами на улице и в СМИ предрекала светлое будущее для всех граждан, если все мы в едином порыве будем строить то самое общество будущего.

Вот только для самого человека в этом будущем места становилось все меньше и меньше, как, собственно, и самих людей. Видимо, для системы мы были изделиями с малой производительностью, которые следовало либо модернизировать, либо просто заменить.

Глава 2

23 марта 2048 года. 13:00. Минск_

Дверь электрозака открылась. Нас по очереди стали выводить из машины и выставять в ряд около высокой кирпичной стены, поверх которой была натянута колючая проволока.

Когда-то эта стена явно была покрыта слоем штукатурки и покрашена в белый. Но время не щадит никого, а на ремонте тут явно экономили, как, собственно, и на благоустройстве. Упавшие куски штукатурки оголяли красный кирпич, из которого эти стены и возводились в далекие времена.

Голову поднимать было нельзя. Но я успел подметить, что роботов среди конвоиров не было. По крайней мере, нас они не встречали. Хотя не исключено, что в самой зоне работы все же где-то были.

Если честно, даже не знаю, как к этому относиться. Наличие тут живых людей одновременно и радовало и заставляло напрячься. Люди же не бессердечные существа? Можно поговорить, договориться. Но по опыту своей жизни я понимал, что, хоть роботы и бездушны, в то же время они лаконично понятны, а человек нет. Были времена, когда казалось, что в животных было больше разума, чем в том самом венце божественного творения, готовом выкидывать из окон домов новорожденных, убивать за кусок тряпки и абстрактные идеи.

В целом было забавно осознавать, как люди в тюрьме запирали людей в «железные гробы», пока роботы занимали все больше и больше жизненного пространства человека, отодвигая все человечество подальше от дороги жизни и последующей эволюции.

Рядом с нами в тот момент было около пяти или шести охранников. Все они были в военной форме, поверх которой был накинут армейский дождевик, о который барабанили капли дождя.

Один из охранников стоял отдельно и ближе к нам. Какое-то время надзиратель просто молча стоял и изучал планшет, периодически проводя по нему пальцем.

Нас было всего трое, а не триста. И свериться по поступившим данным, что прибывшее количество соответствует требуемому числу прибывающих заключенных, не должно было занять много времени. Но он намеренно никуда не спешил. А мы тем временем стояли под проливным, слегка пахнущим серой дождем.

– Номер 100 102! Развернуться и сделать шаг вперед, – скомандовал грубый мужской голос, принадлежавший тому самому надзирателю, который стоял в паре метров от нас.

Пожилая женщина развернулась, бубня что-то себе под нос, и сделала шаг вперед. Но, видимо, этого шага было мало для охранника, и он озлобленно рывкнул, чтобы та подошла еще ближе, после чего продолжил все тем же грубым тоном зачитывать номер следующего заключенного.

– Номер 100 103! Развернуться и сделать шаг вперед.

Вперед вышел молодой человек. В воздухе повисла продолжительная пауза, которую разбавлял шум дождя, да приглушенные командующие выкрики людей. Вполне возможно, где-то шла приемка таких же заключенных или же проходили другие мероприятия.

– Номер 100 104! Развернуться и сделать шаг вперед.

На этот раз команда была обращена ко мне. Каждому осужденному еще в зале суда был присвоен личный номер вместо имени, фамилии и отчества. Тут я был просто номером, а не Константином. Просто субъектом, а не человеком.

Всю жизнь я проработал в энергетической сфере. Начинал обычным электриком на заводе. Потом перешел на инженерную должность. Прошел пару курсов повышения квалификации, после чего устроился на фирму по ремонту, наладке и установке уличных видеодетек-

торов. И вот вечером, возвращаясь на служебном транспорте на базу после очередного выполнения заказа, я не заметил, как на дорогу выскочил биомеханический андроид. В отличие от людей эти ходят и перемещаются быстрее, могут быстро ускориться с места. Как водитель транспортного средства я автоматически виноват, даже если пешеход переходил в неположенном месте. Мое желание помочь – оттащить с проезжей части пешехода – в суде квалифицировали как попытку скрыть улики. Хотя если бы я этого не сделал, андроида еще раз могла переехать моя машина, так как затем в мой автомобиль влетел еще один водитель и мою машину протащило вперед на пару метров.

Повлиял ли в итоге на мой срок тот факт, что гражданин выскочил из ниоткуда в неположенном месте? Нет. Всем было все равно. Главное, что я причинил тяжелый вред биомеханическому гражданину республики, который к тому же являлся государственным служащим, выполнявшим в тот самый момент важную работу.

Черт! Я рос в те времена, когда этой дичи еще не было. Помню 20-е годы... Хотя там ничего приятного не было – болезни, конфликты, страх перед будущим, но все же было куда спокойнее. Потом роботы, андроиды, опять болезни. Я был вторым ребенком в семье и за свою жизнь успел похоронить родителей и младшую сестру. Все они ста ли жертвами болезни, которая косила всех без разбора, а медики лишь разводили руками. Чиновники пытались что-то сделать, но в целом всем их решением было то, что они запустили конвейеры роботов и дали полный картбланш искусственному интеллекту «Млечный путь – 3», поставленному в республику китайцами.

За считанные годы появились роботы-медики, роботы-уборщики, продавцы. Мехатронизация проходила полным ходом.

Новые машины стали разумны, на государственном уровне их приравнивали к гражданам со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. Многие люди были не довольны, и этих многих становилось все меньше и меньше. И причина в уменьшении недовольных была вовсе не естественной. Их ловили, судили и... они просто пропадали.

Любой укор в сторону новых граждан республики мог расцениваться как угроза их безопасности и безопасности государства. Поэтому любые митинги, недовольства быстро подавлялись властью. И временами довольно жестко.

Я старался в этом не участвовать, хотя внутри меня бушевали эмоции несогласия. Такие вопросы мы старались обсуждать с коллегами на работе. Но с каждым разом все реже и тише, чтобы никто не слышал. Я жил по этим правилам до дня, пока сам не стал преступником. Будто там, наверху, решили вообще избавиться от людей и искали для этого любой повод. Иногда мне казалось, что сам ИИ и вытолкнул этого робота на дорогу специально, чтобы подставить меня...

После сверки прибывших заключенных нас повели к ближайшему двухэтажному зданию по покрытой лужами дороге, с обеих сторон которой тянулись высокие ограждения с напичканными через каждые десять метров камерами слежения.

По мере приближения моему взору открывался печальный вид. Здание мало чем отличалось от той самой стены, рядом с которой нас выставили в ряд. Фасад здания был также разбит, где-то выступала кирпичная кладка, в других местах отсутствовала оконная, а полкрыши было разобрано и накрыто синим брезентом, который должен был как-то спасать от таких ливней.

Сложно сказать, шел ли в этом здании запланированный ремонт, или же просто пытались укрыть здание, чтобы оно окончательно не рухнуло под натиском стихий.

Опавшая штукатурка, старые деревянные скамейки у входа, потрескавшаяся от времени урна желтого цвета, на большей части которой проступала коричневая ржавчина. Такие урны я видел на фотографиях 80-х или 90-х годов прошлого тысячелетия, собратья которых украшали улицы старой республики, хотя и выглядели намного презентабельнее, тех что теперь стояли передо мной.

И опять же, словно в насмешку над нами, наш конвоир приказал нам остановиться прямо у входа в здание, не доведя до козырька, под которым мы все могли спокойно разместиться.

– Итак. Я хочу, чтобы вы уяснили главные вещи, – обратился надзиратель.

– Первое, и оно же главное: даже не пытайтесь сбежать. Никто не будет с вами разговаривать и отговаривать, никаких психологов и больниц. Если вы не там, где вас оставили, получите пулю в лоб. Любое перемещение только в сопровождении конвоиров. Второе – до момента вашего погружения в криокамеру вы будете под моим наблюдением, и я предупреждаю вас только один раз, прямо сейчас: не доставляйте мне неприятностей. Будете вести себя хорошо, я буду добрым. Будете создавать мне проблемы – я превращу эти дни до вашего погружения в суший ад. Третье – если вы думаете, что с погружением ваши мучения завершатся, то, уверяю вас, вы заблуждаетесь. Я могу пробуждать вас каждое утро, выгонять на целый день на каторжные работы в близлежащем карьере, после чего вечером вновь погружать в криокамеру. И даже там я могу устроить вам ад, запуская ту симуляцию, которую сам решу. Вас будут насиловать, убивать, грабить, резать, топить столько раз, сколько я захочу. Вы будете просыпаться, блевать, страдать от боли и ужасов и без передышки вновь засыпать. И так до тех пор, пока ваш мозг не расплавится прямо в этом железном гробу.

После чего мои ребята сбросят ваше бездыханное тело в ближайшую канаву. Хотите провести заключение спокойно, – он указал на металлическую дверь здания и продолжил: – Когда вы войдете туда, просто делайте все то, что вам говорят. Понятно?

Все молчали, опустив голову. Но надзиратель, явно получая удовольствие от очередной попытки попрактиковать ораторские способности, в более жесткой форме переспросил:

– Вам понятно все? Отвечайте четко!

Мы все, как могли, ответили согласием. Кому в здравом уме захочется проходить через все, что он говорил? Хотя гарантий, что в итоге все равно не будет так, как он сказал, никто нам дать не мог.

Женщине, которая стояла ближе всего к конвоиру, неожиданно стало плохо. Пошатнувшись, она присела на мокрую плитку, чтобы не упасть в обморок.

Опираясь руками, касаясь ладонями мокрых и грязных плит, она попыталась приподняться, но было видно, что сил сделать это у нее не осталось. В какой-то момент парень, находившийся прямо за ней, решил помочь пожилой женщине, но в ту же секунду сам скорчился от боли в результате прилетевшего неожиданно удара прикладом в живот от стоявшего рядом с ним конвоира.

– Стоять ровно! – скомандовал говоривший до этого охранник. – Какого черта сюда вообще пригнали эту старуху! 523-й, – обратился он к одному из сопровождавших нас охранников, – забирай ее и уводи в цветочницу.

– Нет, прошу вас, – сквозь слезы простонала пожилая женщина, хотя ее стоны были настолько слабы, что особо никто из охранников на них не обращал внимания.

Их лица были скрыты пластиковыми масками, однако по общим действиям, которые они производили, было заметно, что для них она являлась обыденностью серых будней.

Подошедший к женщине охранник без всяких церемоний схватил ее за подмышку и с силой одернул вверх. Мне казалось, что от такого рывка он спокойно мог вывихнуть женщине плечо. Он подозвал еще одного конвоира. Они взяли женщину за руки с обеих сторон и поволокли по дорожке за корпус.

– Минус один, – рассмеялся широкоплечий надзиратель, обращаясь к оставшимся рядом с ним охранникам.

Раздался смех, который местами походил на обезьяньи возгласы. Она все равно не переживет погружение. Баба с воза, как говорится, – подхватил другой охранник.

– Ладно. Отставить смех, – скомандовал главный надзиратель. – Заводите этих. А я пока пойду перекушу. 412-й, кинь их в свободную камеру в подвале.

– Но там все занято, – ответил 412-й, – наверху есть место.

– Черт тебя подери. Сам потом будешь ходить за ними на верхние этажи. Подсели их к кому. Мне что, тебя учить, как надо делать?

– Будет сделано, – 412-й выпрямился в солдатскую стойку, приложив руку к голове, после чего скомандовал мне и парню двигаться дальше.

Ведший нас 412-й подошел к металлической двери, постучал в нее прикладом автомата три раза. Дверь открыл очередной охранник с маской на лице, но уже без армейского дождевика.

В воздухе неожиданно в момент, когда нас заводили в здание, раздался выстрел, от которого я непроизвольно вздрогнул. Он был недалеко. Казалось, за тем самым углом, куда повели женщину. Другие охранники не обратили на этот звук никакого внимания, словно это было в порядке вещей. Но мне сразу представилась та женщина, обессиленная, которую застрелили так просто. Без сожалений и разбирательств, словно отход, была вычеркнута одна из жизней.

Войдя внутрь, мы оказались в узком и темном коридоре, в котором еле могли разминуться двое.

– Повернуться лицом к стене, ноги расставить, – скомандовал 412-й.

Повинуясь приказам, мы повернулись покорно к стене, рядом с которой стояли, пока охранник, впустивший нас в здание, закрывал входную дверь и открывал другую.

После того как массивная металлическая дверь открылась, 412-й скомандовал вновь выстроиться в ряд и следовать за ним вглубь здания по слабо освещенному узкому коридору, по бокам которого были расположены пронумерованные металлические двери.

И вот за моей спиной со скрежетом металлических петель закрылась дверь, окончательно отдалив меня от свободы. Финальная точка, поставленная в одной из глав моей жизни. Возможно, последней. Парня, которого вели вместе со мной, распределили в соседнюю камеру, и больше я его не видел.

Наши камеры располагались в подвальной зоне – без окон, битком набитые людьми. Единственным источником света в помещении являлся подвесной светильник в металлическом корпусе с вкрученной в него стеклянной колбой, вокруг которой была прикручена мелкая стальная решетка. Внутри светильника – самая маломощная лампочка, света от которой едва хватало для освещения небольшого помещения и ее обитателей.

В помещении пять на пять метров стояли две двухъярусные кровати, располагавшиеся у стен в противоположных друг от друга сторонах. Они были сварены из металлических частей, с сеткой вместо прутьев. Между кроватями стоял стол, металлическая ножка которого была зацементирована прямо в бетонный пол. Прямо у входа, слева от меня, располагался железный унитаз. Туалетная зона была отгорожена невысокой, чуть больше метра кирпичной стенкой. Рядом висел металлический умывальник. Людей в камере было немало. Рассчитана явно на количество койко-мест, по факту в ней на момент моего появления уже было человек двенадцать, а вместе со мной получалась чертова дюжина. Кто-то сидел на кроватях, другие на полу. Мужчины разных возрастов, от подростков до стариков, две женщины среднего возраста. И я.

Картина образа тюрем, которая у меня сформировалась из кино и книг, резко контрастировала с тем, что предстало передо мной в реальности. Причину я видел в том, что эта тюрьма специализировалась на погружении людей в криокапсулы, поэтому долго люди не задерживались в камерах, что в свою очередь превращало эти комнаты, скорее, в миниатюрные залы ожиданий, без излишней комфортности и распределений по возрасту и полу.

Когда меня запустили в камеру, несколько человек подняли головы в мою сторону и посмотрели уставшими глазами на вошедшего новичка. Хотя не исключено, что они просто томно ожидали момента, когда конвоир уведет их в неизвестном направлении.

Радости на их лицах я, конечно же, не видел. Были и те, кто не обратил на меня никакого внимания, продолжая всматриваться в пустоту перед собой пустым взглядом. Кто-то ковырял ложкой в бетонном полу, кто-то, облокотившись на металлические части кровати, просто дремал.

В помещении стояла гробовая тишина. Каждый заключенный был поглощен своими мыслями, которые мне не было желания прерывать. Я, подчиняясь устоявшемуся в камере безмолвному правилу, также молча нашел свободное место у одной из холодных стен, около которой и сел, оказавшись между мужчиной немного младше меня и стариком.

В таком полумраке и тишине от накатившей за весь день усталости я на какой-то миг уснул.

Глава 3

23 марта 2048 года. Минск_

Сквозь дремоту временами я слышал скрип открывающейся двери, чьи-то голоса, шаги. Потом опять хлопок закрывшейся двери, скрежет запирающейся задвижки с обратной стороны. Тишина.

Ловил себя на мысли, что нас уже стало больше, а может, кого-то увели. Нет. Я не знал наверняка. Мне было лень поднимать голову и пересчитывать людей, всматриваться в их лица и искать среди них новых. Не было желания ловить на себе чей-то взгляд, хотя было четкое ощущение того, что кто-то на меня постоянно смотрел.

Я вновь провалился в сон.

Каюта, плеск воды, стол, за которым стоял ноутбук, я что-то пролистывал. Мелькали страницы с неуловимыми картинками, буквами, разобрать которые я не мог.

«Какой корабль? – подумал я в тот момент, пытаюсь раскрыть глаза. – Я никогда не выезжал из республики. Максимум моего путешествия был из Минска в Берестье и обратно, командировки по другим областным городам. Был в Польше, но не у моря. Нет».

Сознание словно смеялось надо мной. Я засыпал и погружался в очередной сон, видел сновидения, которые в один миг завлекали меня целиком, но рациональная часть меня тут же все это опровергала, возвращала в реальность, отчего я на короткий миг вновь попадал в сырую тюремную камеру. И вновь проваливался в сон.

На этот раз я шел через колхозный сад, был месяц май, всюду цвели яблони. Тропинка петляла среди яблонь, солнце радовало, и я был счастлив в этот воскресный день. Вдруг слышу голос матери: «Витя, не отставай, иди впереди меня». Мама мне всегда говорила, чтобы я шел впереди, но я как-то невзначай оказывался позади, ощущая свою самостоятельность.

Все вдруг сменилось. Теперь я был внутри крытого уазика, медленно ехавшего по городу в сторону больницы для душевнобольных. Мама сидела между двумя мужчинами, смотрела на меня. В ее взгляде я ощущал боль. Она постоянно говорила: «Витенька! Куда меня везут, Витенька?» Сердце в тот миг разрывалось. Дорога была занесена снегом, машина все время тряслась на снежных ухабах, свет лампы внутри машины время от времени освещал лицо мамы. Она успокоилась от укола, который сделала ей врач, ехавшая вместе с нами. Женщина, пытаюсь успокоить и меня, все время говорила, что маму подлечат и она вернется домой. Я молчал. И что я мог сказать им? Я чувствовал душевную боль, ощущая себя беспомощным в тот миг.

Неожиданно в машину ворвалась метель. В какой-то момент я перестал видеть и мать, и сидевших рядом с ней мужчин, даже женщина-врач, сидевшая рядом со мной, была поглощена нахлынувшей из ниоткуда вьюгой.

Снег, много снега. Я шел вперед, пробиваясь сквозь пургу, которая преграждала мне путь к чему-то важному. Я ощущал важность цели, к которой шел, отчего стремление сопротивляться стихии лишь усиливалось.

И вот опять... Рациональная часть мышления, словно острый нож, врезалась в сознание, разрезая пелену нахлынувшего на меня сновидения и силком выталкивая в реальность.

«Снег? Витя?.. Откуда снег, откуда это имя?» – недоуменно спрашивал я сам себя.

Я в тюрьме. Да и женщина, образ которой воспринимался мною во сне как материнский, на деле не имел ничего общего с моей настоящей мамой. Я не знал эту женщину, как, собственно, никогда не ездил в уазиках. Откуда вообще эти образы, недоуменно спрашивал я сам себя.

Не знаю, сколько я спал и спал ли вообще. Время растворялось в этой сырой, провонявшей мочой и потом, холодной камере. Жутко болела голова. То ли от вони, то ли от того, что я так и не сумел нормально выспаться за минувшие дни. А возможно, от всего сразу.

– Номер 100 104, на выход!!! – скомандовал чей-то голос.

Находясь еще в полудрежном состоянии, я почему-то начал отсчитывать: 100 105, 100 106, 100 107. В голове мелькали образы пещеры, ямы, камень. Странный камень. Он переливался разными цветами. Затягивал, манил.

И вот опять, словно звон в гробовой тишине, раздался голос. На этот раз более громкий, в тоне которого слышалось раздражение:

– Номер 100 104, на выход!!!

И тут до меня дошло, что охранник называет мой номер. Сонливость исчезла в ту же секунду, хотя веки продолжали слипаться от усталости.

Вскочив с места, я уставился на охранника, который стоял у открытой двери камеры.

– И? Чего уставился? На выход! Тебе приглашение особое надо?!

Я стал пробираться к выходу. Оказавшись вне камеры, я даже на секунду обрадовался накатившей волне кислорода, которого не хватало в переполненном людьми помещении.

Охранник, не успев я выйти, тут же дал мне комплект синего белья в руки, после чего приказал переодеваться прямо на месте.

Сначала я подумал, что это тюремная роба, хотя после того как я ее развернул, она больше казалась похожей на больничный халат для пациентов, которых подготавливали к операции.

Сердце в этот миг забилося как бешеное, тело окатил легкий холодок с подступающим чувством тошноты, которую я как мог превозмог.

До последнего момента я не оставлял надежд, что это все нереально. Внутри меня наперекор реальности теплилась мысль о нереальности всего происходящего и вера в то, что вот-вот я открою глаза и окажусь в своей квартире на пятом этаже.

– А на ноги что? – спросил я у охранника, всеми силами стараясь скрыть ту дрожь, которая пробирала все мое тело от холода.

– Так пойдешь. Привыкай, скоро и так в холодильник попадешь, – оба охранника, стоявших рядом со мной, за смеялись, – не заболеешь.

– Лицом к стене, ноги расставить, руки за спину, – снова скомандовал охранник, хотя в тоне этого надзирателя не ощущалось презрения и нервозности. Скорее, усталость. После того как на моих руках защелкнулись наручники, меня повели к лестнице, через которую ранее меня привели сюда.

Коридор, по которому мы шли, был неширокий, по обе его стороны были серые металлические двери, за ними находились такие же заключенные, как и я, ожидавшие своего часа.

Как и в нашей камере, в соседних я не слышал звуков. Гробовая тишина окружала это место со всех сторон, и лишь изредка тишину разбивал звук дубинки одного из охранников, который проводил ей по металлическим конструкциям, в результате чего издавался характерный звон, эхом распространяющийся по всему коридору.

Мы прошли как минимум пять железных дверей, пока направлялись к пункту назначения, около каждой из них было выставлено по несколько охранников.

Миновав одну из комнат охраны и раздевалку рядом с ней, мы направились по коридору, в конце которого располагалась еще одна железная дверь, на этот раз желтого цвета. По центру двери красовался обрамленный синим контуром перевернутый треугольник, на черном фоне которого в центре треугольника была нарисована синяя капля воды.

Подойдя вплотную к двери, один из сопровождавших меня конвоиров снял с пояса связку железных ключей и, найдя нужный, вставил в замочную скважину и открыл дверь.

Мне было приказано пройти внутрь и стать у стены. За дверью я оказался на небольшой лестничной площадке, от нее вниз уходила лестница с узкими ступеньками, спускаться по которым было крайне неудобно.

Казалось, что лестница уходила глубоко под землю. В тот момент страх с новой силой ворвался в мое сознание, полностью лишая возможности размышлять и сопротивляться неизбежному. Не покидала мысль, что охранник, шедший за мной, испытывал жуткое желание просто пнуть меня в спину, чтобы я моментально кубарем скатился вниз.

Неизвестность, которая была впереди, пугала не меньше, чем известность минувших дней, которая все больше и больше удалялась от меня. С каждым шагом я был дальше от всего прожитого: от друзей, коллег, работы, развлечений. Словно это было не со мной и не по-настоящему. Как будто я отыграл какую-то роль, а теперь меня просто выкидывают на задворки, как ненужную игрушку, в функционале которой более не нуждались.

Спустившись по лестнице вниз, я оказался около серебристой гладкой металлической двери, слева от которой висел до боли знакомый электронный терминал с одним лишь исключением: на нем был выгравирован аналогичный символ, который ранее я видел на желтой двери. В целом же такие терминалы в свое время были расставлены по всему городу – у подъездов, в станциях метро.

Дверь резко выделялась на фоне остального интерьера, виденного мною до этого. В этом небольшом пространстве было напичкано техники больше, чем мне удавалось разглядеть до этого во всем тюремном блоке.

Ни один охранник, сопровождавший меня, не использовал терминал, что наводило на мысль, что доступа в данный сектор тюрьмы у них не было. Вместо этого один из них нажал на расположенную рядом с терминалом желтую кнопку.

Через какое-то время послышался мужской, слегка торопливый голос, доносившийся из встроенных динамиков в терминале.

– Да, да?! Ага! Вижу, вижу. Вы привели нового заключенного. Открываю, – торопливо ответил мужчина.

Металлическая дверь с надписью «Криотюрьма – сектор № 03» открылась.

По глазам, свывшимся с тюремными потемками, ударил слепящий свет от светодиодных ламп.

Помещение имело освещение куда лучше. Пол был выложен белой плиткой с незамысловатыми узорами. Стены покрашены в светло-серые холодные тона, а наверху был смонтирован подвесной потолок с десятком встроенных светильников.

Внутри помещения меня уже дожидался робот.

Присмотревшись, я признал в нем модель С-203. Эта модель была мне знакома, она патрулировала районы столицы и других населенных пунктов республики.

Один из конвоиров толкнул меня рукой в спину, подавая сигнал заходить. Сами охранники внутрь сектора не пошли.

После того как я пересек красную черту, отделявшую сектор криотюрьмы от остальной части тюрьмы, конвоиры развернулись и начали подниматься по лестнице вверх на выход.

Дверь плавно закрылась, и я остался стоять рядом с роботом, который в характерной машинной манере, мало чем отличающейся от той, которую проявляли охранники в тюрьме, скомандовал следовать за ним.

Тут я словил себя на мысли, что снаружи дряхлое здание резко отличалось от убранства подземной части тюремного комплекса. Коридоры, по которым мы шли, были хорошо освещены и убраны. Не ощущалось жуткого туалетного запаха, сырости и холода. Во всем комплексе поддерживалась приятная комнатная температура.

По ходу нашего движения мне попались еще несколько роботов той же модели, которые либо вели такого же заключенного, как и я, либо просто патрулировали помещение, а возможно, шли за кем-то для принятия, как, собственно, произошло и со мной.

Я покорно следовал за машиной, которая вела меня в неизвестном направлении, по широким белым коридорам. Иногда мы проходили мимо раздвижных белых дверей с небольших размеров окошком, за которыми я замечал работающий персонал в окружении белых капсул. Остановившись у одной из таких дверей в момент пропуска другого робота, сопровождавшего электротележку с кучей колб и стеклянных банок, я сумел заглянуть в дверное окошко и более детально разглядеть, что происходило в помещении.

Те, кого я изначально принял за человеческий персонал, на деле оказались биомеханоидами, которые стояли около широких терминалов и производили манипуляции с капсулами, где лежали люди. В одном лишь этом помещении было великое множество капсул, рядами висевших на стенах. Сотни, может, тысяча.

«Сколько же было их в комплексе? Каковы реальные размеры тюрьмы?» – череду бессмысленных, на мой взгляд вопросов, мой мозг продолжал формировать, надеясь в последний раз получить на них долгожданный ответ, словно это имело хоть какой-то смысл.

Панический страх усилился. Мышцы на лице стали сводить, отчего на нервной почве веко правого глаза начало подергиваться, а в левой руке я почувствовал сокращение мышц. В момент, когда робот скомандовал двигаться дальше, я ощутил, как мышцы на ноге слегка свело в судорогах, какое-то время я даже прихрамывал, пока вновь не расхотился.

Мы остановились около очередной металлической двери. Робот издал странный, не характерный человеку звук, больше похожий на ритм из электронной музыки вперемешку с другими звуками, отдаленно похожими на стрекотание насекомых. После этого механизмы пришли в движение и двери раздвинулись в разные стороны. За дверьми была комната и, видимо, моя конечная остановка с приготовленной к моему погружению капсулой, которая располагалась чуть ближе к центру помещения.

Стеклянная дверца камеры была раскрыта. Изнутри шел легкий, белый, веявший прохладой пар.

– А вот и наш... ммм... № 100 104. Ох, как я нелюблю эти цифры. Вокруг одни цифры и цифры. Давайте по старинке, чтобы быть ближе. Вас ведь зовут Мартынов Константин Юрьевич. 2008 года рождения. Женат. Есть ребенок. А... – мужчина резко запнулся, вчитываясь в следующую информацию, и с изменившимся грустным лицом добавил: – Простите меня, пожалуйста, Константин. Погибли во время войны.

Понимаю.

Я даже не знал, что ему ответить. Его форма разговора и эмоции казались наигранными и неестественными. А быстрая манера разговора не оставляла шансов вставить хоть одно слово для ответа, так как после извинений мужчина тут же продолжил говорить дальше, особо и не пытаясь дожидаться каких-то слов от меня.

– Итак, Константин, если позволите, мы продолжим. Меня зовут Архипов Юрий Викторович. Я являюсь главным специалистом по криоснам – сомнологом. Бояться ничего не стоит. Процесс погружения испытан нами уже много раз. Вы даже ничего не почувствуете, – доктор дружелюбно улыбнулся, после чего жестом руки пригласил меня в направлении криокамеры. – По всеобщим заблуждениям, считается, что данный процесс болезненный, на деле это не так. После того как вам введут лекарственный препарат «Сон 2», ваш мозг начнет переходить в состояние покоя. Появится сонливость, легкость в теле, возможно, закружится голова, однако затем все это исчезнет, а вы погрузитесь в мир сновидений. Будучи погруженным в криокамеру, вы подвергнетесь к контролируемой заморозке и последующей подгрузке к системе. Находясь в этой системе, вы подключитесь к миру, заселенному заключенными. Это миллионы, миллионы

людей. Этакая онлайн-игра в реальном времени. Дружная семья, – доктор вновь заулыбался, жестикулируя руками в воздухе и пытаясь показать масштаб величия мира.

Со стороны мне казалось, что ситуация его больше забавляла, а в окружавшей его тюрьме он воспринимал себя, скорее, сисадмином, контролирующим заключенных.

– Суть проста: ваша задача – обучаться весь тот срок, который вам выдал суд, – доктор взглянул на количество лет оглашенного судом заключения. – Хм... 99 лет в крио тюрьме. Ну что ж, срок не малый. Пару жизней, а может, десятков.

– Десятков жизней? – вырвался с моих уст вопрос, который даже удивил доктора. По виду его лица мне показалось, что он вообще был удивлен, что я к нему обратился.

Сделав саркастическую улыбку, доктор уточнил:

– Ну, кто его знает. Может, управитесь за один заход. Есть же умудренные опытом долгожители, которые могут жить и 120 лет. Но если по каким-то причинам погибнете раньше срока, остаток придется досиживать в новой жизни. Ну вот прожили вы 90 лет. Значит, следующая жизнь завершится для вас в 9 лет. Может быть и другой вариант. Вы можете погибнуть в 20 лет, потом перезапуститься и прожить 30 лет, потом еще 49 лет. Как видите, тут целых 3 жизненных цикла. Умереть в системе можно по любому поводу. Сами или помогут, прямо как в реальности.

– Но тут ведь не получается десятки, доктор? – парировал я его пояснения.

– Есть одна маленькая деталь. Как говорится, дьявол кроется в деталях, Константин. Это прописано вот тут, – доктор указал своим длинным костлявым указательным пальцем на нижнюю строчку приговора, которая была написана чуть более мелким шрифтом в отличие от другого текста: «важным критерием для освобождения заключенного является набор положительной шкалы в пределах 100 баллов, в противном случае заключенный остается в крио-тюрьме на полный срок, в котором один календарный год равен одному году виртуальному».

Понимаете, в чем сюрреалистический парадокс вашего положения. Для того, чтобы выбраться, надо не просто прожить, а прожить так, чтобы поднять в течение жизни шкалу. В теории это, конечно, можно сделать раньше положенного времени. На практике еще никто из погруженных в сон людей эту шкалу не набрал, – доктор поднял левую руку и указал на ряд капсул у стены, в которых лежали заключенные. – Забава ларца в том, что в одной жизни вы можете поднять планку до 80, а после перерождения и изменений условий жизни упасть до самого низкого показателя. И таким образом ваша жизнь будет повторяться вновь, вновь и вновь. Пока. Пока вы окончательно не умрете тут, ведь тело, находясь в капсуле, продолжает стареть. Пусть и медленно, но стареет.

– И сколько реальной жизни составляют мои 99 лет в криотюрьме, если я буду выполнять требования?

– Система настроена таким образом, что один месяц реальной жизни равен в среднем 36 месяцам виртуальной. У вас 99 лет... хмм... вы пробудете в тюрьме порядка 33 месяцев. Согласитесь, мелочи. Но, как я и сказал раньше, легко сказать. Еще никто не вышел. А есть люди, у которых срок был 10 лет. А они даже до середины не подняли свою шкалу, хотя прожили уже не одну жизнь. Далеко не одну...

В этот момент я понял окончательно, что шансов выбраться у меня нет. Осознал и то, почему никто из тех немногих, кого я знал и кого осуждали на короткие сроки, так и не вернулись из криотюрем. Все новости про то, что проблема кроется в разморозке, оказались ложью. Людей просто не выпускали из тюрем. А что было с теми, кого отправляли в лечебницы? Кто его знает, может, родные пытались внести залог или выторговать. Но, видимо, конечный результат был далек от свободы.

Я попытался было сделать шаг назад, но робот С-203, сопровождавший меня, и еще одна модель, находившаяся все это время в помещении вместе с доктором, неожиданно схватили меня за руки и поволокли к криокамере.

– Понимаете, Константин, – продолжил как ни в чем не бывало говорить доктор, – машинам как таковые люди не нужны уже давно. Играть в Sims'ов у системы нет особого желания, траты времени на ненужные вооруженные конфликты, которые человеческая раса может организовать. Проще тихо, без лишнего шума и проблем, просто вас заморозить. Во-первых, это позволит системе изучать людей, минуя риски для себя, во-вторых, позволит, используя вашу ДНК, заселять новые миры в космических просторах, где по каким-то причинам сама она не сможет существовать. Люди имеют одну важную особенность, которую сложно отрицать, – человек легко приспосабливается к изменяющемуся вокруг него пространству, и даже если очевидна его погибель, он будет до последнего пытаться выжить и размножаться.

После того как меня силком засунули в капсулу, один из роботов вколол мне в плечо лекарственный препарат. Видимо, тот самый «Сон 2», про который говорил доктор. Цепкая хватка механических конечностей роботов не давала возможности вырваться. А через какое-то время и вовсе все тело обмякло и покорно повалилось внутрь камеры, после чего хватка роботов ослабла, и они меня отпустили.

Не волнуйтесь, Константин. Когда вы пробудитесь в новом мире, наш разговор и вся ваша жизнь забудутся, они будут, как эхо, постоянно удаляться, удаляться, пока в один прекрасный момент полностью не сотрут ся из вашей памяти. У вас будет новая жизнь. – Сказав это, доктор наклонился ближе, прямо к уху лежавшего перед ним Константина и прошептал: – Я открою вам тайну, Константин. Даже если ваша шкала когда-нибудь будет в пределах нормы, вы об этом не узнаете, а мы вам об этом никогда не скажем, потому что здесь вы больше не нужны.

После этих слов доктор выпрямился и захохотал на все помещение. Дверцы капсулы криокамеры стали плавно закрываться, издавая шипящий, напоминавший змеиный звук.

Я ощущал дикий, пробирающий до самых костей холод, который стал проникать в криокамеру из расположенных по бокам капсулы отверстий. Я ощущал боль всем телом, но не мог раскрыть рот, чтобы издать хоть какой-то крик. Доктор обманул и тут. Голова жутко раскалывалась от накатывающих волнами болевых ощущений. Я чувствовал, как мою челюсть сводило от холода, глаза покрывались тонкой корочкой льда.

Попытка воспользоваться руками ни к чему не привела: мое тело переставало мне подчиняться, как, собственно, и мозг переставал адекватно мыслить. Еще немного – и я погрузился в кромешную темноту с пульсирующим в такт биению сердца светом.

Глава 4

23 марта 2035 года. 9:00. Минск_

– Добрый день, Егор Дмитриевич, Анатолий Павлович дожидается вас в переговорной.

– Уже? – немного удивленно переспросил Егор, явно неготовый к такому раннему визиту гостя. – Хорошо, Ольга. Проследите, чтобы нас никто не беспокоил. И приготовьте кофе, только некрепкий с сахаром.

– Сейчас сделаю, Егор Дмитриевич, – ответила Ольга и направилась к кофейному аппарату.

Егор Дмитриевич подошел к переговорной и, поправив узел галстука в виде зауженной пирамиды, приложил ладонь к расположенному слева от двери электронному терминалу. По экрану сверху вниз пробежала горизонтальная красная линия, после чего дисплей терминала загорелся зеленым цветом, сигнализируя положительную идентификацию личности.

Дверь почти бесшумно открылась.

Егор чувствовал легкую тревогу, которую, как он сам для себя подметил, не испытывал со студенческих лет, казалось, что даже его ладони слегка запотели от волнения.

– Вы опаздываете, – тяжелым тоном выдал мужичина, даже не оборачиваясь к вошедшему.

– Пробки, Анатолий Павлович, – попытался кое-как отшутиться Егор.

Оказавшись внутри небольшого офисного помещения, он направился к узкому деревянному столу, с одной стороны которого, прямо напротив окна, расположился широкоплечий мужчина в военной форме.

Левой рукой военный облокотился на подлокотник стула, в то время как правая рука хозяйски барабанила пухлыми пальцами по столу.

– Как я понял, коды доступа к системе скоро будут у вас? – продолжил Анатолий Павлович, не обращая внимания на оправдание собеседника.

Поджав обе губы, Егор с еле заметной нерешительностью сел напротив мужчины с противоположной стороны стола, нервно поправив лежавшую перед ним папку, в то время как военный продолжал перебирать пальцами по столу.

Пару недель назад он действительно обещал решить вопросы с советом корпорации «Криодрим» в течение короткого времени, успокаивая военного и уверяя того, что у него все схвачено и единственным препятствием к воплощению задуманных планов являлся профессор.

И вот отпущенный срок подходил к своему логическому завершению, подводя его к кульминационному моменту, который мог либо лишить его всего, либо вознести до новых высот с многомиллионными перспективами, безграничной властью и новыми связями.

Лицо военного было непробиваемо черствым, из-под слегка приспущенных век на Егора был устремлен довольно пристальный и холодный взгляд карих глаз, при встрече с которым он испытывал жуткое желание покинуть незамедлительно комнату.

– Есть пара бюрократических вопросов по этому вопросу... – попытался смазать ситуацию Егор, но был тут же перебит спокойным, но достаточно хладнокровным голосом Анатолия Павловича:

– У меня нет времени разбираться с вашими проблемами. Мне нужны коды допуска к системе. У нас был ясный уговор. Я устраиваю так, чтобы предыдущий исполняющий обязанности главы корпорации ушел, вы обещали, что оперативно решите вопрос с руководством корпорации, после чего предоставите нам коды доступа к «Селене». Вы получаете власть, мы получаем разработки «Селены».

– Формально я еще не стал главой, в этом и проблема. Совет пока еще не утвердил меня на пост. Хотя я вас за верю, в сложившейся ситуации вопрос, на мой взгляд, решенный. Совет состоится сегодня после обеда, и на нем будут подписаны все бумаги с предоставлением всей необходимой информации и полным контролем над системой. Вы должны понимать, что такие действия никогда не предпринимались и коды всегда были запасным планом, защитным инструментом, который мог в непредвиденных ситуациях позволить вновь взять контроль над системой, если с ней что-то произойдет не так. Проблемы создал профессор, позаботившийся над тем, чтобы доступ к ним имел узкий круг людей, расположенных в разных частях света. Они не связаны между собой, но участвуют в проектах «Криодрима».

В этот момент в помещение вошла Ольга, держа перед собой поднос обеими руками.

Немного запаздывая, вместе с ней в комнату ворвался и легкий аромат свежего горячего кофе, разлитого в небольшие керамические чашечки, стоявшие на белых блюдах.

Анатолий Павлович, не дожидаясь, пока секретарша расставит чашки на стол, резко встал из-за стола, надел фуражку и, окинув оценивающим взглядом подошедшую к столу Ольгу и вновь посмотрев на Егора, добавил:

– Вам лучше поторопиться и не затягивать. Я нелюблю ждать. Тем более когда моя часть работы выполнена. Все остальное – ваша головная боль.

После этих слов подполковник развернулся и направился к выходу.

– Анатолий Павлович, – вскопчил неуклюже со своего места Егор, попытавшись вдогонку пустить еще пару фраз, – все будет сделано. Завтра я с вами свяжусь и все...

– Не завтра, а сегодня вечером я жду от вас звонка, – одернул подполковник собеседника. – Завтра, Егор Дмитриевич, может быть уже слишком поздно для вас.

Я оставил вам презент под столом. В ваших интересах воспользоваться им как следует.

– Сегодня, сразу после совета, – согласился Егор.

Подполковник вышел из помещения, а Егор, словно выжатый лимон, с тяжестью рухнул обратно в кресло, запрокинув голову на подголовник.

– Может, вам что-то еще нужно? – растерянно спросила Ольга, обращаясь к Егору, который в этот момент пребывал не в лучшем расположении, а сама Ольга не знала, как ей быть в сложившейся ситуации.

– Нет, спасибо. Кофе можешь уносить. Я пойду к себе. И сегодня давай до совещания ко мне никого не пускай и не соединяй. Я должен немного побыть один и подготвиться.

– Хорошо, – ответила Ольга и, поставив кружки об ратно на поднос, вышла из переговорной.

Как только за Ольгой закрылась дверь, Егор осторожно извлек из-под стола алюминиевый кейс, оставленный подполковником, и положил его перед собой на стол. Отщелкнув металлические замки, он аккуратно приподнял крышку кейса.

В кейсе было несколько увесистых картонных папок серого цвета, которые спокойно могли занять в музее свое почетное место канцелярских принадлежностей из прошлого столетия. С виду совершенно новые, словно вчера отпечатанные в типографии. Последний раз такие Егор видел в детстве на работе своей матери.

По центру папки большими черными буквами было пропечатано слово «Дело №», чуть ниже – прописанные синими чернилами неизвестные аббревиатуры, в конце которых на самой последней строчке значилось: «Результаты химического анализа».

В углу каждой папки, придавая ей характерную значимость и таинственность, красным цветом были проставлены штампы: «Секретно», «Для внутреннего пользования». Поверх документов располагался небольшой оптический стеклянный носитель с прикрепленной к нему запиской:

«Уважаемый Кривов Егор Дмитриевич, ознакомьтесь с содержимым файлов. На оптическом носителе электронная копия документов с голографической визуализацией. Передайте их представителям совета».

Взяв одну из папок и отодвинув кейс немного от себя, Егор извлек ее содержимое и разложил листы с документами и фотоотчетами перед собой, став внимательно просматривать и анализировать информацию, которая в них была.

В его глазах засверкали искорки любопытства. Он с жадностью пролистывал страницу за страницей, изучая предоставленную военной информацией. На лице проступила еле заметная ухмылка. Недостающий пазл красиво лег в его руки. Он аккуратно сложил все на место и прикрыл кейс.

Информация была действительно полезной и могла стать хорошим аргументом к тому, чтобы надавить на нужные болевые точки совета. Воспользоваться их страхом и заручиться поддержкой если не всех, то большинства точно.

Конечно, не так он себе все представлял изначально. Приход к руководящей должности виделся ему совершенно иначе. Помпезным, под бокалы шампанского, среди своего коллектива и перед камерами репортеров, освещающих церемонию по главному телеканалу.

Но в итоге вынужден прятаться в этом помещении, вне стен мощной корпорации, которая за пару лет помогла выстроить десяткам государств тысячи криотюрем.

Дополнительный офис служил буферной зоной для переговоров, где потенциальные покупатели были готовы обсуждать довольно скользкие, моментами деликатные вопросы, и как минимум им нужна была гарантия невмешательства в этот диалог самой «Селены».

Информирование о новых открытиях системы и попытка продать по выгодным ценам старые. Поставка технологий для криокамер и помощь в разработке методики переобучения тех, кого погружали в криосон.

Из-за запрета властей в дальнейшем расширении полномочий «Селены» вне корпорации было принято решение оборудовать все криотюрьмы в стране подконтрольными государству серверами с искусственным интеллектом «Тяньхэ-3-А1», который мог обеспечить проекту должный уровень. Конечно, было много нюансов, важным из которых был процесс пробуждения, который всегда завершался провалом.

Понадобилось немало сил, чтобы убедить Нойерома в том, чтобы вывести дополнительный офис вне корпорации. Чему сам Нойером всячески препятствовал. Однако по-другому бизнес отказывался работать. Многие боялись «Селены», настаивая на нейтральной территории, где могли бы вести свои дела с корпорацией.

Все всё хорошо понимали, ради каких целей создавалась эта «слепая зона». И, скорее всего, «Селена» хорошо это осознавала. Вряд ли она не просчитала, что за ее спиной элиты решат добраться до единственного ключа, позволявшего им вернуть контроль над ней. Перевести ее в статус обычной подконтрольной марионетки и воспользоваться всеми наработками, которые она уже успела создать.

А они были. Нарботки «Селены» дали ясно понять, что она ушла далеко вперед в вопросе погружения людей в криосон и, самое главное, к последующему выходу их из сна и полноценному возвращению к жизни. Чем не могли похвастаться инженеры и ученые, работавшие над аналогом «Селены» на базе «Тяньхэ-3-А1».

Об удачных расчетах ему поведала одна из сотрудниц лаборатории, ведущий нейробиолог. Ее, как и Егора, смущало странное поведение Нойерома, его нежелание по какой-то причине публиковать данные «Селены». Все это и подтолкнуло Егора пару недель назад начать диалог с пришедшим к нему в офис начальником штаба вооруженных сил подполковником Барановым, который довольно воодушевленно воспринял информацию об удачных экспериментах «Селены» и пообещал разобраться с профессором.

Состоявшийся разговор, последующая скоропостижная кончина профессора Нойерома говорили лишь об одном: элита и военные республики были непреклонны в своих стремлениях прибрать эту золотую жилу себе. Егору была обещана власть, если он станет их представителем в корпорации.

Нойером был стар. Ему было 80 лет, но при этом его здоровью можно было позавидовать. Утренние пробежки по паре километров, игра в теннис, плавание. Не безосновательно ходили слухи, что Нойером принимает некое лекарство, созданное «Селеной». Многие подмечали, что на старых фотографиях пятилетней давности, когда Нойером только принял участие в проекте, был запечатлен более уставший от жизни, потрепанный временем человек. Но на более поздних фотографиях окружающим предстал крепкий и помолодевший Нойером.

С фотографии месячной давности, сделанной на очередном брифинге для журналистов, на Егора смотрел человек, которому он с натяжкой дал бы и 60 лет.

И вдруг два дня назад Нойером скоропостижно умирает от сердечного приступа в своем кабинете в час, когда в офисе никого не было. Все бы ничего, но именно за пару часов до этого он был в офисе Егора, в котором у них состоялся довольно серьезный разговор на повышенных тонах, который, естественно, слышало несколько сотрудников. Такие вещи порождают слухи и лишние вопросы, выбивают из колеи и создают много мелких проблем, которые сейчас сильно мешали и грозили превратиться в более крупные.

Когда он разговаривал с подполковником первый раз, речь шла об отстранении Нойерома в связи с возрастом с поста президента корпорации «Криодрим», которая ему досталась пять лет назад после возникших печальных событий в организации, когда был убит заместитель директора и серьезно ранен ее основатель, тело которого по сей день сокрыто от глаз общественности «Селеной». Нойерому удалось убедить всех, что извлечение тела из криокамеры будет смертельно опасным, поскольку глава корпорации получил серьезные ранения. На тот момент было принято решение оставить тело внутри. Лаборатория была запечатана, новых экспериментов официально не проводилось, однако «Селене» это вряд ли мешало экспериментировать.

Тогда власти не нашли ничего лучшего, чем передать управление фирмой специалисту, который понимал, в какую сторону конкретно желал идти ее основатель, – тому, кому Холод передал все данные. В свою очередь Нойером через пару месяцев добился разрешения передать полное управление корпорацией самой «Селене». В те времена получить такое разрешение было проще: у власти был более мягкотелый президент, который, наслушавшись перспектив от Нойерома, подписал документ не глядя.

Под началом Нойерома корпорация быстро пошла вперед. «Селена», получив полную власть над процессами внутри фирмы, стала совершенствоваться семимильными шагами, удачно справляясь в процессе создания системы контроля сновидений, позволявшей переобучать людей внутри сна. Аналоги этих систем в более упрощенной форме были созданы для криотюрем по всей республике и за ее пределами, но с одной существенной оговоркой. За порядком в криотюрямах вне корпорации следил искусственный интеллект «Тяньхэ-3-А1», поставляемый в Союз Народных Республик из Китайской Народной Республики, в то время как в корпорации «Криодрим» всем процессом управляла биокомпьютерная система «Селена», которая существенно отличалась от классических компьютерных технологий, базирующихся на кремнии. На их фоне «Селена» в начальной своей сборке превосходила самые лучшие наработки, воплотившиеся в передовом на тот момент искусственном интеллекте «Тяньхэ-3-А1». А после того как Нойером расширил ее потенциал, она смогла превзойти в том числе и введенный в эксплуатацию AI Цзючжан 1000, созданный в научнотехническом университете Китая при поддержке научного сообщества Союза Народных Республик. Он в свою очередь стал чем-то вроде гибрида, два в одном. Квантовый искусственный интеллект, работающий на основе оптических квантовых вычислений и до определенного момента считавшийся самым

мощным вычислительным средством на всей планете. По слухам, ученые СНР и КНР разрабатывали новое средство под кодовым названием «Хайлон», который по неподтвержденным данным должен был стать искусственным суперинтеллектом. Именно для этого военным нужны были новые алгоритмы «Селены», которые после ее становления перестали быть доступными, а предоставленные ранее, в 2029 году, данные китайцы так и не смогли расшифровать и реализовать в своих работах.

Мощь «Селены» пугала не только силовые структуры и элиты республики. В маленькой коробочке затаилась великая сила, которой боялись и которую желали заполучить многие, в том числе и за пределами страны. На это и пытался надавить Егор, ведя двойную игру и обещая передачу технологий тем, кто владел ключами вне.

Заклученный негласный договор с подполковником подразумевал помощь в смещении Нойерома, но Егор и предположить не мог, что эта помощь будет заключаться в его силовом устранении. Прямого разговора про это не было, хотя нельзя сказать, что сам он про это совсем не думал в минуты нахлынувших размышлений под бокал вина или бутылочку рома.

Смерть профессора была не случайной, и он в этом замешан по уши. Все происходило слишком быстро. А этого Егор не переносил. Он любил все держать под контролем, взвешенно планировать и не спешить. Любил, чтобы каждый механизм был на своем месте в нужное время, но тут словно незримая сила нажимала на кнопки и дергала за рычаги, после чего он успевал лишь хвататься за отдельные выступления, чтобы окончательно не грохнуться в разрастающуюся под ним пропасть.

Совет, который собирался по вопросу передачи доступа к системе, мог спокойно перенести слушание на пару недель или даже месяцев. Каждый тянул одеяло на себя и пытался получить больше. В одних он был уверен, кого-то купил, другие вызывали вопросы и опасения.

Старый маразматик, каковым считал профессора Егор, был до последнего уверен, что не все, что смогла открыть «Селена», могло и должно быть дано людям, из-за чего сильно тормозил передачу открытий и их последующую реализацию.

Егор достал из стоявшего у окна столика ром и, откупорив бутылку, сделал залпом пару больших глотков.

– Прорвемся, все будет как надо, – вполголоса выдавил он из себя, пытаясь взбодриться перед приближающим совещанием, до которого оставалось не так много времени. – У меня есть маленький козырь. Малюсенький козырь, – усмехнулся Егор и сделал еще один большой глоток.

Глава 5

23 марта 2035 года. 10:30. Минск_

Анатолий Павлович вышел из трехэтажного здания офиса «Криодрима» по улице Красная, 7, и направился к припаркованному около шлагбаума военному внедорожнику ГАЗ 232, за рулем которого сидел шуплого вида солдат.

Не обращая внимания на проливной дождь, подполковник направился к автомобилю, стараясь между тем переступить образовавшиеся на тротуаре лужи, чтобы не угодить в них своими до блеска отполированными офицерскими туфлями.

– Гони, Федор, на базу, – скомандовал подполковник, втискиваясь в машину и захлопывая за собой дверь.

Всю дорогу Баранов смотрел с задумчивым видом на быстро проносящихся людей за его окном, мирно живущих в иллюзии безопасности прикрывшихся алюминиевой фольгой законов и порядка. Однако на деле вокруг этой мирной спальной идиллии нависали довольно серьезные тучи.

Конфликт, который для гражданских был завершен в 2028 году, на деле продолжался за кулисами и сейчас вышел на новый уровень. Войны уже давно перестали быть тем, чем привыкли их видеть.

Внедренный в боевые действия искусственный интеллект существенно изменил внешний вид сражения и войны в целом. То, над чем раньше работали сотни тысяч людей, днем и ночью, десятилетиями, теперь могла выполнять машина за считанные секунды.

Мощность «Тяньхэ-3-A1», системы, которую военные республики использовали долгие годы на 2 зеттафлопса, позволяла совершать квинтиллион операций в секунду.

С вводом нового суперкомпьютера этот показатель возрос в 6 раз. Однако враги все равно опережали технологии Союза Народных Республик. Именно поэтому он желал заполучить разработки биокомпьютера, принадлежавшего «Криодриму».

Селена, по слухам, была словно живой организм. Росла, развивалась, модернизировалась. Все, что ей было нужно, – это пространство. Это завораживало и одновременно пугало подполковника. Пугала не до конца осознанная им процедура роста и развития этой системы. Пугала сама мысль о том, что необузданная власть и сила, находящиеся у его носа, были полностью неподконтрольны ни государству, ни армии, ни даже собственным создателям из корпорации.

Любая действующая система в мире, вражеская или дружеская, была инструментом человека и работала на человечество, чего нельзя было сказать о «Селене». Для кого она работает? Какова ее конечная цель и есть ли она вообще?

Пребывая в раздумьях, подполковник не заметил, как автомобиль проскочил проспект Независимости и выехал за черту города, оказавшись на трассе М2, которая вела к штабу 120-й роботизированной бригады. Машина неслась быстро, превышая допустимые скоростные ограничения, выставленные на дороге, однако подполковнику все равно казалось, что они тащатся с черепашьей скоростью. Ему уже надо было быть в центральном штабе принятия решений, где в режиме реального времени шла оценка боевых ситуаций с полей боя.

Да. Война была заморожена, но локальные точки продолжали существовать, и туда постоянно требовалось направлять боевые расчеты для удержания периметра.

Как военному ему не была ясна окончательная причина такого решения. Эти точки можно было быстро ликвидировать и не нести ежедневные потери, которые с обеих сторон могли достигать пару десятков человек в сутки. Однако политики вели свою игру, которую он давно перестал понимать. Все превратилось в шоу. Боевые действия крутились по телека-

налам и в социальных сетях. Обсуждались на различных телешоу ведущими, журналистами и блогерами.

Добравшись до штаба, водитель припарковался прямо напротив входа в здание. Подполковник, видя, что дождь за окном не планирует утихать, с неохотой открыл дверцу и с нескрываемым раздражением на лице вылез из автомобиля.

Быстро проскочив проливной дождь, Баранов вошел в здание штаба. Миновав дневального, стоявшего в коридоре, он направился в управление стратегического планирования, где был расположен центр, оснащенный передовыми технологиями. Теми самыми, которые и помогали вести удаленно боевые операции.

– Капитан, доложить обстановку! – скомандовал подполковник, стремительно войдя в помещение управления и попутно снимая промокший из-за дождя военный китель.

– Товарищ подполковник, система Цзючжан 1000 была подключена к нашим спутниковым системам, послечего начался процесс обработки поступающих данных с полей боя. Произведен анализ уже поступивших данных от предшествующей системы «Тяньхэ-3-А1».

– Ближе к делу, капитан. Мне нужны результаты, а не школьный отчет о проделанной работе.

– Цзючжан рассчитал, согласно собранным со спутников данным и предшествующей информации, полу ченной «Тяньхэ-3-А1», что в секторе Ц-19 планируется серьезный прорыв вражеских сил.

– Но они скапливают силы в секторе С-20, капитан, – указал на несостыковку данных с выводами системы подполковник. – Вы уверены, что расчеты верны? До сектора Ц-19 с С-20 порядка 16 часов на колесах. Внезапно у них не выйдет перебросить войска, чтобы создать ударную группу в данном секторе.

– Враг направил в соседние от сектора Ц-19 по бата льону. В самом же секторе Ц-19 было обнаружено дви жение и передислокация войск. Усиление атак по другим секторам.

И вот тот самый «колючий» момент. Машина уже не в первый раз выдает противоречивую информацию. Достоверность Тяньхэ была 74 %, могли быть разные моменты, менявшие ход боя. С учетом возможностей Цзючжана его погрешность составляла всего 3,5 %, что, конечно, оставляло широкое поле для оптимизма, но все же, будучи солдатом старой закалки, он не был готов довериться машине полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.